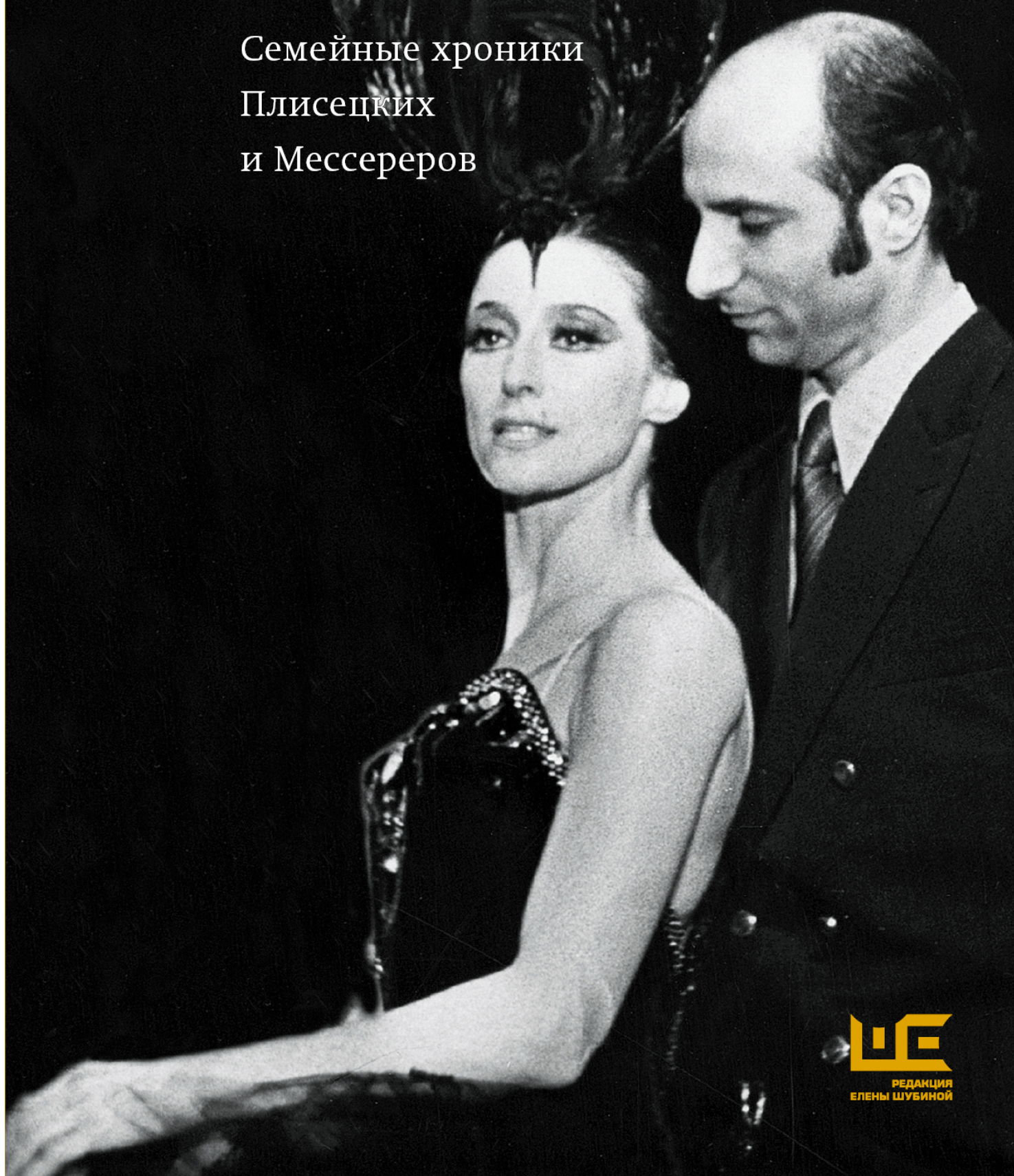

ЖИЗНЬ АЗАРИЙ ПЛИСЕЦКИЙ в балете

Семейные хроники
Плисецких
и Мессереров

Азарий Плисецкий

**Жизнь в балете. Семейные
хроники Плисецких и Мессереров**

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Плисецкий А. М.

Жизнь в балете. Семейные хроники Плисецких и Мессереров /
А. М. Плисецкий — «Издательство АСТ», 2018

ISBN 978-5-17-104178-6

“Жизнь в балете” – мемуары, похожие на библейскую сагу о легендарной династии Плисецких–Мессерер; история артистического клана на фоне революций, войн, арестов и театральных премьер, написанная младшим из рода, Азарием Михайловичем Плисецким. Перед глазами читателя проходит золотой век русского и мирового балета: великая Галина Уланова, легендарная создательница кубинского балета Алисия Алонсо, французский хореограф Морис Бежар, великолепный Михаил Барышников и, конечно, старшая сестра автора – демоническая и неотразимо прекрасная Майя Плисецкая. В каком-то смысле книга брата написана в полемике с мемуарами сестры. Нам открывается другая версия известных событий: на глазах словно меняется оптика, возникает новый ракурс, укрупняется кадр. При этом Азарию Плисецкому хватает такта держать дистанцию, даже в самых сложных жизненных ситуациях сохранять безупречную выдержку истинно балетного кавалера.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-104178-6

© Плисецкий А. М., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Ваш сын и брат	6
Вступление	10
Часть I	11
Мессереры	11
Плисецкие	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Азарий Плисецкий Жизнь в балете: Семейные хроники Плисецких и Мессереров

Маме

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

На задней стороне суперобложки – фотография Philippe Pache

В книгу вошли письма и фотографии из семейного архива Азария Плисецкого, а также работы Филиппа Паша, Луиса Кастанеды, Евгения Умнова и Александра Становова (агентство ИТАР-ТАСС).

Издательство АСТ и “Редакция Елены Шубиной” благодарят Открытый фестиваль искусств “Черешневый лес” за сотрудничество

Составитель и литературный редактор Василий Снеговский

Ваш сын и брат Вместо предисловия

Быть самым младшим в семье, состоящей сплошь из одних знаменитостей и творческих работников, – трудное испытание даже для сильных духом. Но известный балетный педагог и танцовщик Азарий Михайлович Плисецкий – человек кремниевой твердости и абсолютной негибкости. Иначе ему было бы не вынести всю лавину горестей и несчастий, которая обрушилась на него как “сына врага народа” буквально сразу при рождении. Читаешь его воспоминания и невольно ловишь себя на мысли: нет, этого не может быть! То, что он описывает про пытки и гибель отца, про мытарства и страдания матери, слишком страшно, чтобы быть правдой. Хотя на самом деле в книге нет ни слова вымысла. Так все и было. В подтверждение есть многочисленные документы, письма, фотографии, дневники. В семье Плисецких – Мессерер не принято было ничего выбрасывать. Все могло пригодиться для истории, которая у каждого из членов знаменитого клана была своя. Тут они были ревнивыми собственниками, зорко следившими: кто посягнет на чужую территорию? кто первым рискнет прикоснуться к семейным драмам и тайнам? у кого хватит смелости заглянуть в бездну под названием “родственные отношения”?

И даже в своей страстной и пристрастной исповеди “Я, Майя Плисецкая...” великая сестра Азария предпочла не касаться каких-то опасных тем, по-королевски повернуться к ним спиной, не удостоив даже упоминания. В отличие от нее, брат старается быть максимально объективным и абсолютно доброжелательным в большинстве своих оценок. У него невозмутимая интонация историка и летописца. Он рассказывает историю клана, семьи, рода. Получается какая-то библейская сага на фоне революций, войн, арестов и театральных премьер. Сходство с Библией усиливают ветхозаветные имена главных героев: Суламифь, Рахиль, Асаф, Аминадав... Кто-то из скромности или инстинкта самосохранения потом обзаведется менее звучными, зато более распространенными именами типа Лиза или Саша. А кто-то, напротив, пронесет их по жизни как знак своей избранности. Речь шла даже не об исключительном таланте или какой-то невероятной успешности, но о редкой способности держаться всем вместе, всегда приходить на помощь, никогда не сдаваться, не пасовать перед плохими обстоятельствами и ударами судьбы. В этой железной сцепке каждого друг с другом, в ощущении семьи как главного убежища и спасения от всех невзгод, в жертвенной готовности отдать всё и поделиться последним и заключается главная сила Плисецких – Мессереров. Поэтому любое отступление от этого правила воспринималось как предательство, любая, даже самая невинная насмешка или сетование по поводу многочисленности клана – как покушение на основу бытия.

Свою книгу Азарий Михайлович писал много лет спустя после выхода мемуаров сестры, и внутренняя полемика с ее книгой видна любому мало-мальски сведущему взгляду. Тут и желание воздать справедливость по отношению к родной тете Суламифь Михайловне Мессерер, которая буквально спасла их с матерью от верной гибели, вытащив из лагеря в Акмолинске. И попытка восстановить доброе имя Елизаветы Павловны Гердт, первого педагога Майи, которая не удостоилась добрых слов от своей самой знаменитой ученицы. И стремление распутать сложную историю отношений Майи с Лилей Брик: от взаимного обожания до полного разрыва. И твердое намерение воссоздать драматическую эпопею опальной балерины, в которую оказались помимо своей воли втянуты ее младшие братья, ставшие заложниками в затяжной войне, сотрясавшей Большой театр в конце 1950-х годов.

Нам открывается другая версия известных событий. На глазах словно меняется оптика, возникает новый ракурс, укрупняется кадр, где, кроме главной героини, появляются и другие персонажи. И в этом тоже заслуга Азария Плисецкого, который не побоялся вывести рядом со

своей сестрой людей не столь выдающихся, но, безусловно, достойных права на собственный голос и мнение. Королевы не бывает без свиты.

Впрочем, выдающихся персонажей в жизни автора тоже хватало. Весь цвет мирового балета проходит перед нами нескончаемой вереницей. Тут и Галина Сергеевна Уланова, промелькнувшая нежной, призрачной тенью, как виллиса из второго акта “Жизели”. И неутомимая сталинская лауреатка Ольга Васильевна Лепешинская, с которой Азарий успешно выступал на заре своей балетной карьеры. И легендарная Алисия Алонсо, создательница кубинского балета, выбравшая его себе в помощники и партнеры. Невольно возникает вопрос: как ему удавалось со всеми ними ладить, договариваться, дружить, а спустя годы находить точные и деликатные слова? Думаю, что дело тут не только в очень мужском характере автора. Сама классическая балетная традиция требует от мужчины быть на полшага позади балерины, всегда чуть в тени, на подхвате. И на финальных поклонах он как бы немного отступает, великодушно отдавая ей все аплодисменты, цветы, влюбленные взгляды и свет рамп. Тут Плисецкий безупречен. Ни одного лишнего признания, ни одного опрометчивого жеста. На нынешний вкус, воспитанный на бесстрашных откровениях и каминг-аутах, он даже, может быть, слишком застегнут в свой бархатный балетный колет идеального кавалера, слишком закрыт и немногословен. Но при этом он не скупится на эмоции, когда речь заходит о разных экзотических местах, где ему пришлось побывать, местных нравах и человеческих типах.

Жизнь Азария, начавшись с бесконечной дороги в Казахстан в столыпинском вагоне, и дальше пройдет (пусть и в более комфортных условиях) в непрерывных переездах и путешествиях: Монголия, Куба, США, Китай, Швейцария, Испания... И это не просто гастрольные маршруты, а зачастую места постоянной работы и жительства. Со страстью и основательностью профессионального робинзона он обживает разные материки и страны. Благо для этого не так много ему надо: станок в танцклассе для ежедневного балетного экзерсиса, зеркало, чтобы оттачивать свои и чужие движения. Ну и музыка, которую теперь в любых количествах можно приносить с собой в невесомом айфоне. Мне кажется, секрет долголетнего успеха Азария Плисецкого, балетного педагога-репетитора, заключается не только в классической балетной школе, которой он превосходно владеет, но в какой-то внутренней пластичности, душевной отзывчивости на другие стили и образы жизни, готовности их понять, принять и даже полюбить. Недаром он единственный в семье Плисецких – Мессерер самостоятельно овладел несколькими иностранными языками. На фоне безъязыкого и довольно консервативного балетного большинства он всегда выглядел интеллектуалом, полиглотом и просвещенным европейцем. Отсюда его заграничная карьера, которая благополучно сложилась еще в советские времена и успешно продолжилась в наши дни. Конечно, на каком-то этапе помогло имя, сработала репутация, но не только. В самом характере и мироощущении Азария есть какая-то спокойная доброжелательность, отсутствие суетливой и нервной подозрительности, так хорошо знакомой людям театра. Жизнь для него не замыкается сценой и зрительным залом, не исчерпывается театральными интригами, конфликтами и амбициями. Жизнь – это горячий, как ожог, воздух, который он впервые глотнул полной грудью, спускаясь по трапу в аэропорту Хосе Марти в Гаване. Это загадочный подводный мир, который он не устал познавать с маской, трубкой и лапами в водах Тихого океана и Атлантики. Это старые камни Европы и Латинской Америки, выученные наизусть, как стихи Ронсара, Рильке или Неруды. Каждый раз, когда Азарий приходит в класс к своим ученикам, он приносит с собой нечто большее, чем один только набор балетных па. За ним – культура, порода, история, кругозор человека, прожившего огромную жизнь, знавшего и дружившего с самыми интересными людьми своего времени.

Их лица, как будто вырванные из тьмы, снова возникнут в его книге: саркастичный и едкий Ролан Пети, демонический Морис Бежар, неземная Белла Ахмадулина, трагически-прекрасный Хорхе Донн... Удивительно, что все они в разные годы будут включены в орбиту его судьбы, в чем-то меняя ее навсегда. И Михаил Барышников, чей портрет у Азария получится

особенно точным, впервые появится на этих страницах не только как блистательный танцовщик, опередивший свое время, но и как глубокий, сложный, страдающий человек, осаждаемый собственными демонами, которых он не перестает укрощать, побеждая их силой собственной воли.

Ну и, конечно, она... Я боялся и ждал страниц, посвященных Майе Плисецкой. Отношения брата с сестрой были временами напряженными. В них осталось много скрытых обид и ран. Но Азарию Михайловичу удалось от них отстраниться. Это тоже особый дар: не то чтобы забыть или сделать вид, что ничего не было. Нет, конечно, было! Но помнить, знать и... все равно любить. Любить эту необыкновенную женщину, это невероятное космическое создание. Эту пришлицу из ниоткуда, которую он впервые увидел юной незнакомкой, девочкой с рыжими косами, с трудом тащившей тяжело набитый фибровый чемодан по непролазной чимкентской грязи. Она знала, что туда, куда она направлялась, у порога нишей мазанки, ее ждет младший брат Азарик. А он не мог и вообразить, что это и есть его старшая сестра Майя, которая прославит их семью на весь мир. После первой встречи будет много всего, чего хватило бы, может, не на один том. Но брат выберет только ключевые, самые важные эпизоды, без которых невозможно представить себе биографию великой балерины. Причем только те, непосредственным свидетелем или участником которых был сам, включая мистическое, не объяснимое никакими совпадениями их последнее свидание у самого порога крематория крошечного городка Киссинга под Мюнхеном, где и закончился земной путь Майи Михайловны Плисецкой. От Чимкента до Киссинга – целая огромная жизнь длиной почти в семьдесят пять лет...

Что еще сказать про книгу Азария Михайловича? Она прекрасно написана. Полагаю, что тут необходимо отметить старания и профессионализм литературного редактора Василия Снеговского. Я читал ее с радостным предвкушением, как буду о ней думать, вспоминать, представлять, как она встанет в моем книжном шкафу рядом с двумя книгами Майи, подаренными мне когда-то ею самой. А еще в этой книге много любви. К жизни, к семье, к маме Рахиль Михайловне Мессерер. В памяти невольно возникает образ пожилой дамы, одиноко сидящей в углу директорской ложи Большого театра. Всегда в черном. Проницательный взгляд из-под тяжелых век, умный лоб, темные волосы, причесанные на прямой пробор по моде 1920-х годов, когда она снималась в кино. Она и в старости оставалась красавицей. Молчаливой красавицей, побывавшей в аду, но сумевшей оттуда вернуться и спасти маленького сына. Ничего про нее я не знал, когда у меня за спиной шептали: “Посмотри, это Ра, мать Плисецкой”. Она, кстати, так и подписывала программки, которые ей подсовывали настырные поклонники дочери: “На добрую память от мамы Майи”. Рахиль Михайловна стеснялась внимания, которое, как ей казалось, было совсем не по заслугам, и одновременно гордилась своими детьми, такими разными, талантливыми, яркими. Думаю, что книга ее младшего сына Азария Михайловича Плисецкого – наглядное подтверждение известной истины, что ничего не бывает напрасно. И справедливость на этом свете все-таки есть.

А завершить свое предисловие мне хотелось бы словами благодарности Открытому фестивалю искусств “Черешневый лес”, который поддержал эту книгу, включив ее в свою программу 2018 года. Кстати, это не первый совместный фестиваль проект с “Редакцией Елены Шубиной”. Несколько лет назад знаменательным событием стал выход сборника воспоминаний “Всё о моем отце”, в чем-то перекликающийся с воспоминаниями А.М. Плисецкого. А недавно лауреатом фестиваля стал его кузен, художник Борис Мессерер. Вообще идея семьи, рода, клана, какого-то заочного братства всех со всеми – одна из ключевых в концепции, придуманной вдохновителем и создателем “Черешневого леса” Михаилом Куснировичем. У него есть даже замысел пригласить и собрать вместе представителей разных поколений Плисецких – Мессереров, как это было когда-то на знаменательном вечере в здании МХАТа Второго в 1936 году. Однажды, восемьдесят лет спустя... Конечно, повторить его уже не удастся, но скучно точно не будет.

Сергей Николаевич

Вступление

Никогда не думал, что примусь за мемуары. Никогда не вел дневников в отличие от Майи, которая всю жизнь скрупулезно фиксировала каждое событие, происшедшее с ней. Сегодня, когда в памяти стираются имена и даты, как бы пригодился мне такой дневник!

Правда, одно время я начинал записывать, когда и что танцевал. Даже приобрел для этого печатную машинку “Колибри”, которую забрал с собой на Кубу. Но жизнь была настолько стремительной и насыщенной, что и на эти записи не находилось времени, не говоря уже о том, чтобы “заводить архивы, над рукописями трястись”.

Но зато я регулярно писал письма. Главным адресатом была наша мама, памяти которой я и посвящаю эту книгу. Я отправлял ей письма из разных точек земного шара, где бы ни находился, будь то Куба, Америка, Япония, Франция или Швейцария. Подробно, на нескольких страницах, я рассказывал о том, что вижу вокруг, как проходят выступления, о публике, о жизни... К счастью, мама сохранила всю эту многолетнюю корреспонденцию, чем, сама того не подозревая, очень помогла мне. Благодаря этим письмам воспоминания о событиях давно минувших лет всё явственней проступали сквозь время.

Так зачем же я взялся писать воспоминания? С одной стороны, берет оторопь при виде завалов мемуарной литературы в книжных магазинах. Теперь все пишут мемуары. Помню, с какой опаской моя тетя, прима-балерина Большого театра, Суламифь Михайловна Мессерер начинала писать свою книгу. “Кто это напечатает? – мучилась она. – Кому это интересно?” Вот и я тоже брался за дело не с самыми оптимистичными мыслями. К тому же мемуары – это некое подведение итогов, после которых ставится точка. А мне хочется продолжения. Я совсем не живу прошлым. И когда меня спрашивают, какой день в моей жизни самый лучший, неизменно отвечаю: завтрашний.

Но, с другой стороны, на мою долю выпало столько замечательных встреч и событий, что в какой-то момент люди, которые близко меня знают, стали спрашивать: “Почему ты не напишешь книгу?” И действительно: когда я рассказываю о пережитом, как будто слышу со стороны свой голос и думаю: “А может, и вправду это будет кому-то интересно?”

Часть I

Мессереры

Мой дед, Михаил Борисович Мессерер, был родом из Вильно. Семья жила в еврейском районе Антоколь. Человек обширнейших знаний, он прочитал множество книг, и не только на русском языке. Иностранные тексты декламировал вслух, вырабатывая таким образом правильное произношение. Всего дед освоил восемь языков, а когда ему было уже за семьдесят, вдруг решил, что ему жизненно необходим английский. И, представьте, через некоторое время он выучил его.

Уже будучи отцом четверых детей, Михаил Борисович отправился в Харьков, где выучился на зубного врача. Вместе с дипломом дед получил право на выезд из черты оседлости и в 1904 году перебрался в Москву.

Там семейство Мессерер долгое время переезжало из одного района в другой.

Мой дядя, выдающийся танцовщик Асаф Мессерер, в своей книге “Танец. Мысль. Время” вспоминал:

“Тогда было принято чуть ли не каждый год нанимать новую квартиру. На улицу въезжал огромный фургон, запряженный парой лошадей, – «Перевозка мебели. Ступин». Это была известная в Москве фирма, со своими грузчиками, носильщиками, веревками и прочим. Мы, дети, бросив игры, наблюдали захватывающее зрелище погрузки с покрикиванием, переругиванием. Потом фургон с мебелью и скарбом медленно тащился по Москве. Мы переезжали то куда-нибудь на Пятницкую, то на Старую Басманную, то в дом на углу Сretenских ворот и Большой Лубянки, напротив которого находились «вкусные» магазины – молочная Чичкина и булочная Казакова, где за пять копеек можно было купить чудесный кондитерский «лом». Мать давала мне деньги на проезд в училище, но я бегал туда и обратно пешком”.

Наконец в 1914 году семья прочно обосновалась в доме на углу Большой Лубянки и Рождественского бульвара на верхнем, четвертом, этаже.

Дед работал в зуболечебнице при какой-то фабрике и получал зарплату в двести рублей. Сто рублей уходило на оплату квартиры, причем одну из комнат сдавали за двадцать рублей. Таким образом, бюджет семьи составлял сто двадцать рублей в месяц. На эти деньги существовали дед с бабушкой и их восемь детей. Держали прислугу и, временами, няню. Словом, жили небогато, но жили.

Михаил Борисович открыл в квартире собственный зубо врачебный кабинет. На небольшой вывеске, прибитой к подъезду, значилось: “Зубной врач М.Б. Мессерер. Солдатам и студентам бесплатно”.

Моя тетка, Суламифь Михайловна Мессерер, которую в семье все называли Мита, вспоминала:

“Вскоре после революции, в пору холодов, разрухи и нашествия крыс, в наших темноватых апартаментах мать подчас руки ломала, не зная, чем накормить ораву. Поэтому приход к отцу пациента нередко превращался в томительное ожидание всей семьи платы за визит. Едва за посетителем захлопывалась входная дверь, как мать выбегала с немим вопросом на лице: «Сколько?» А отец, человек непрактичный и сострадательный, часто

витающий где-то в высоких сферах лингвистики и философии, случилось, смущенно признавался: «Бедняк попался. Ничего с него не взял...»

Как я уже говорил, дед очень любил читать. Больше всего его увлекало Священное Писание. Именами любимых библейских героев он нарекал своих детей. Так в семье появились Азарий, Маттаний, Рахиль, Асаф, Суламифь, Эммануил, Элишева и Аминадав. Насколько тяжело придется потомству с такими именами в России, Михаила Борисовича не беспокоило. В будущем Элишеве, например, пришлось взять более благозвучное для русского слуха имя Елизавета, а Аминадав стал Александром.

Когда дети приставали к матери с вопросом, кого она больше любит, мудрая Сима Моисеевна, происходившая из рода виленских раввинов, отвечала: “У меня десять пальцев на руках, какой ни порежешь – одинаково больно”.

Бабушка, в отличие от импульсивного деда, была женщиной рациональной и практичной. Ее главной заботой было – как прокормить семью.

Обращусь снова к воспоминаниям моей тети Суламифи:

“Во время Гражданской войны, в 1919 году, особенно свирепом и бесхлебном – у нас, детей, пухли животы от недоедания, – мать отправилась поездом за мукой в Тамбов: на юге достать еду, сказали ей, проще.

Маме пришлось ехать пятьсот верст на крыше – в вагонах творилось нечто невообразимое, и в смертоубийственной давке профессиональные мешочники, специализировавшиеся на перевозке дорогого хлеба, могли просто-напросто выкинуть ее из поезда. Спокойная и уравновешенная мама оказалась к тому же невероятно стойкой и мужественной. Мама привезла-таки мешок муки. Мы, восемь чад, остались живы”.

К сожалению, в 1929 году бабушка, еще совсем молодая женщина, умерла от рака. Вскоре после ее смерти дед женился, и у него родилась дочка, которую называли Эрелла. Она была на десять лет младше его старшей внучки – Майи, появившейся на свет в 1925 году. Несмотря на то что Эрелла приходится мне тетей, мы ровесники – родились в 1937 году. Она живет в Москве. Встречи наши сегодня крайне редки и случаются, к сожалению, лишь по печальным поводам.

Дед до самой старости был невероятно энергичен и не мог подолгу сидеть на одном месте. В 1936 году он, семидесятилетний, к ужасу всей семьи, решил отправиться на арктическую зимовку в качестве зубного врача для полярников. Слов на ветер он бросать не привык и вскоре обзавелся унтами, шапкой-ушанкой и билетом до Архангельска. Поездка не состоялась только потому, что экспедицию не успели подготовить к назначенному сроку, и северная навигация закрылась.

Деда не стало, когда мне было всего пять лет, однако я прекрасно его запомнил, особенно бородку и трость, которой он изящно помахивал во время прогулок. Он всегда крепко держал меня за руку, поскольку я так и норовил убежать. Мне это страшно не нравилось, и я всячески старался высвободить свою ладошку.

Несмотря на любовь к Ветхому Завету, многочисленным детям Михаила Борисовича Мессерера передавалась по наследству не религиозность, а интерес к искусству.

Первым артистическую стезю выбрал старший сын, Азарий, родившийся в 1897 году. Окончив гимназию, он держал вступительные экзамены в студию Евгения Багратионовича Вахтангова, так называемую Мансуровскую студию. Азарий читал басню “Ворона и Лисица” с армянским акцентом. Это было настолько смешно и неожиданно, что педагоги и старшие студенты плакали от хохота. Более того, члены приемной комиссии приняли всерьез армянский акцент, но, несмотря на это, допустили юношу до второго тура.

Второй тур проводил сам Вахтангов. Когда очередь дошла до Азария, Евгению Багратионовичу шепнули:

– Этот молодой человек, бесспорно, одарен, очень артистичен, но говорит с армянским акцентом. Боюсь, не сможем выправить.

И тут Азарий снова удивил экзаменаторов, на этот раз чистой московской речью и прекрасной дикцией, прочитав монолог из “Мертвых душ”: “Эх, тройка...” Разумеется, в студию он был принят единогласным решением. Так Азарий Мессерер стал одним из любимых учеников великого Евгения Вахтангова, который некоторое время спустя подарил ему свой портрет с такой надписью:

“Талантливому Азаричу, занятому ученику, с надеждой и верой, что он ищет настоящее”.

Вместе с фотографией Евгений Багратионович подарил ученику маленький изящный чубук. Этими вещами Азарий, превратившийся к тому времени из Мессерера в Азарина, очень дорожил. И портрет, и трубка всегда висели на стене в его комнате на самом видном месте.

Когда летом 1919 года Мансуровская студия распалась, Азарий Азарин с небольшой группой учеников во главе с Вахтанговым перешел во Вторую студию Московского Художественного театра. А уже в сентябре впервые сыграл на прославленной сцене МХАТа. Несколько ролей ему удалось подготовить под руководством самого Станиславского, среди них – Кот из “Синей птицы”, Бобчинский из “Ревизора” и Загорецкий из “Горя от ума”.

И все-таки самые плодотворные годы подарил Азарину Московский Художественный театр Второй, куда он был приглашен в 1925 году Михаилом Чеховым. Чехов в то время планировал ставить “Дон Кихота”, в котором главную роль отвел для себя, а в образе Санчо Пансы видел только Азарина.

Сегодня остается лишь сожалеть, что задуманный Чеховым спектакль так и не был осуществлен – видимо, из-за его отъезда за границу. Но остались свидетельства искреннего, доброго и нежного отношения Михаила Александровича к “милому, родному, неожиданному Азаричу”. В семье до сих пор бережно хранится портрет Чехова с надписью:

“Есть мудрость книжная – есть мудрость от таланта – вот за эту мудрость я тебя люблю, мой Азарич, и благодарю! Твой М. Чехов”.

Когда в 1936 году МХАТ Второй был закрыт, Азарий Азарин вступил в труппу Малого театра, где практически сразу получил роль Аркашки Счастливец в “Лесе” по Островскому. Гурмыжскую репетировали Александра Яблочкина и Вера Пашенная, Улиту – Евдокия Турчанинова, а Несчастливец должен был играть сам Пров Садовский. Словом, исполнительский состав спектакля был блестящим. Премьера состоялась 17 января 1937 года, и Азарин в роли Счастливец выдержал своего рода экзамен перед стариками Малого театра.

В том же 1937 году Азарин успешно прошел фотопробы на роль Ленина в фильме “Ленин в Октябре” в постановке Михаила Ромма. Если бы не ранняя смерть, вполне возможно, что первым воплотил бы в кино образ вождя мирового пролетариата не Борис Щукин, а Азарий Азарин. Однако история не терпит предположений, и все случилось так, как случилось.

В ночь с 29-го на 30 сентября, вскоре после того, как все легли спать, Азарину стало плохо. Он успел зажечь настольную лампу рядом со своей постелью, разбудил жену. Его душили спазмы. Сердечные капли из домашней аптечки не помогали. Вызвали неотложку. Приехал врач, сделал укол, но было уже поздно. Сердце моего дяди перестало биться. Ему было всего сорок лет.

В 1972 году в издательстве “Искусство” вышла книга, которая называлась “Азарий Михайлович Азарин”. Одним из инициаторов написания этой книги стала сестра Азария, моя теть, Элишева Михайловна Мессерер, тоже актриса. Названная в честь матери Иоанна Крести-

теля, она, как я уже говорил, впоследствии сменила имя и превратилась в Елизавету, но для членов большой семьи Мессереров всегда оставалась просто Элей.

Так же как и старший брат, Эля окончила студию Вахтангова и всю жизнь служила в Театре имени Ермоловой. Выходила на сцену в спектаклях “Волки и овцы”, “Ваграмовая ночь”, “Любовь Яровая”... Любимой ролью Эли стала жена ученого Полежаева в пьесе “Беспокойная старость”, посвященной Тимирязеву. Несмотря на то что она была очень хорошей острохарактерной актрисой, яркой карьеры в ее жизни не случилось.

Именно благодаря Эле я пересмотрел, кажется, все спектакли в Театре имени Ермоловой. Отлично помню Всеволода Якута в роли Пушкина в одноименной постановке. Одну из сестер Натальи Николаевны Гончаровой, Екатерину Николаевну (Коко), играла красавица Вероника Витольдовна Полонская. Эля очень дружила с Полонской, называла ее Норка. Вероника Витольдовна на тот момент была замужем за актером Дмитрием Фивейским, чей сын Федор, окончивший хореографическое училище, серьезно увлекся скульптурой и в 1957 году создал прославившее его изваяние “Сильнее смерти”.

В начале 1960-х годов Эля попала под сокращение и была уволена из театра. Моя сестра Майя в своих воспоминаниях утверждает, что причиной увольнения послужило нежелание Элишевы по просьбе сотрудников КГБ писать доносы на партнеров по сцене. Я думаю, эта версия – не больше чем фантазия. Чем актриса второстепенных ролей могла помочь органам государственной безопасности?

Но, как бы то ни было, профессии Эля лишилась, из-за чего страшно страдала. Вне театра она не представляла жизни. И вскоре умерла от рака.

Еще трое членов семьи Мессерер связали свою жизнь с актерским искусством: Асаф и Суламифь стали замечательными балетными танцовщиками, а моя мама, Рахиль, взявшая творческий псевдоним Ра, окончила ВГИК и была актрисой кино.

Итак, пятеро детей Михаила Борисовича Мессерера выбрали для себя артистический путь. Когда фамилия была уже на слуху, в 1936 году Совет Клуба мастеров искусств организовал в здании МХАТа Второго на площади Свердлова (ныне Театральной) творческий вечер семьи. На пригласительных билетах значилось:

“Уважаемый товарищ! Совет Клуба мастеров искусств приглашает Вас на вечер семьи Мессерер. Вступительное слово – Я.О. Боярский. Участники вечера: засл. арт. А.М. Азарин, засл. арт. А.М. Мессерер, Е.М. Мессерер, С.М. Мессерер, Р.М. Мессерер. Начало в 12 час. ночи”.

Из программки можно было узнать, что на вечере будут играть сцены из спектакля “Чудак” А. Афиногенова, “Хорошая жизнь” С.И. Амаглобели, “Волки и овцы” А.Н. Островского, “Двенадцатая ночь” Шекспира – с участием Азария Азарина и Елизаветы Мессерер. Также будут показаны отрывки из кинокартин “Жена”, “Прокаженная”, “Сто двадцать тысяч в год” с участием Ра Мессерер. Суламифь Мессерер исполнит “Танец с обручем”, Асаф Мессерер – “Танец футболиста”, и вместе они станцуют па-де-де из балета “Дон Кихот”.

Несмотря на то что вечер был назначен на полночь, после того как заканчивались спектакли в Большом и Малом театрах, на площади Свердлова было оживленно. Люди буквально осаждали театр в надежде прорваться внутрь. Их с трудом сдерживал наряд конной милиции, дежуривший перед зданием. В конце вечера зрители устроили самую настоящую овацию... Михаилу Борисовичу Мессереру, отцу семейства и истинному виновнику торжества, который страшно гордился успехом своих детей.

Любовь деда к театральному искусству передавалась каждому из восьмерых его детей, хотя не все они связали свою жизнь с актерской профессией. Второй по старшинству сын, Маттакий, родившийся через два года после Азария, стал профессором экономики. Он рано проявил незаурядные способности к наукам, поэтому отец отправил его учиться во Франкфурт,

где жил его родной брат Борух Мессерер. Там Маттаний окончил гимназию, в совершенстве овладел немецким языком и даже писал на нем стихи. Вернувшись в Россию, он успел еще до революции окончить Коммерческое училище в Москве и поступить в Томский университет, куда еврею было попасть гораздо проще. Путешествовал по Дальнему Востоку, был в Китае, Маньчжурии. Гражданская война застала Маттания в Сибири. Он воевал на стороне красных и попал в плен к колчаковцам, где чудом избежал расстрела. Конвоир уже привел его в походную комендатуру и усадил у стены. Но когда вот-вот должен был раздаться выстрел, в комнату ввалились отчаянно спорящие друг с другом солдаты. Спор разгорался, перерастая в настоящую драку, за которой с интересом наблюдал конвоир, напрочь позабывший о своем пленнике. Маттаний же в этот момент не растерялся – выскользнул из комендатуры и бросился наутек. Его спрятали подпольщики. К концу войны, несмотря на юный возраст – ему было двадцать лет, – Маттания назначили сначала ответственным секретарем партийной газеты Хабаровска, а затем и вовсе – председателем Хабаровского горкома.

В скором времени Маттаний разочаровывается в партийной работе и возвращается в Москву, где поступает в Институт красной профессуры. После окончания этого института, призванного готовить идеологические кадры, он защищает диссертацию и становится профессором экономики. Увы, его работа в науке была внезапно прервана. 21 мая 1938 года Маттания арестовали в больнице на Пироговке, где он лежал с язвой желудка.

Что же могло послужить поводом? Достаточно было учебы в немецкой гимназии, чтобы запросто обвинить в шпионаже. Однако главным основанием для ареста стало заявление бывшей жены Маттания. Это заявление или, говоря проще, донос спустя много лет прочитал в приемной ФСБ на Кузнецком Мосту его младший брат Александр (Аминадав), когда во время перестройки родственникам реабилитированных предоставляли такую возможность. Решив отомстить Маттанию после развода, бывшая жена оклеветала его, написав, что он скрытый троцкист, соблюдает еврейские праздники и поддерживает материально свою сестру – жену арестованного Михаила Плисецкого. Маттанию дали пять лет лагерей.

Михаил Борисович Мессерер тяжело переживал арест сына. Он даже подал прошение о пересмотре дела в 3-е отделение 1-го Специального отдела НКВД СССР на имя наркома внутренних дел Лаврентия Берии.

В семейном архиве сохранилась копия этого документа, текст которого не могу не привести полностью. Итак, дед писал всесильному Берии:

“21 мая 1938 г. был арестован по ордеру НКВД № 2708 мой сын Маттаний Михайлович Мессерер, член ВКП(б) с 1919 г., кандидат экономических наук, профессор Института экономики Академии наук СССР и Планового института им. В.М. Молотова.

На днях мне стало известно, что мой сын приговорен к пяти годам заключения в лагере.

Сын мой, Маттаний Михайлович, всегда отличался преданностью генеральной линии партии. В частной жизни он был кристально чистым коммунистом и прекрасным человеком. Он член семьи орденосных и заслуженных артистов Мессереров, известных своим патриотизмом, о которых неоднократно писали в печати как об образцовых советских гражданах.

Больно и обидно такого человека, убежденнейшего образованного коммуниста, принимать за недруга. Считаю вероятным, что он стал жертвой клеветы его бывшей жены, члена партии М.Е. Боговин, из личной мести оклеветавшей его.

Я прошу о пересмотре его дела и, принимая во внимание мой преклонный возраст, семьдесят два года, прошу дать мне возможность увидеть моего сына”.

Но ни преклонный возраст отца, ни причастность к орденоносной семье действия не возымели. Маттаний был отправлен в Соликамский лагерь.

В ГУЛАГе ему оченьгодились его литературный талант и “артистический ген” всех Мессереров. Вместе с другим зэком, актером Алексеем Диким (будущим народным артистом СССР, неоднократно воплощавшим на экране образ Сталина), они возглавляли разъездную театральную лагерную бригаду, сочиняли частушки и ставили что-то вроде капустников с участием заключенных.

К несчастью, Маттаний попал в немилость к начальству. Он помог одному зэку – молодому парню, которого сексуально домогалась надзирательница из женского лагеря, – написать жалобу начальнику лагеря. Поскольку было известно, что этот зэк грамоте не обучен, подозрение пало на автора частушек. В наказание Маттания отослали на изнурительные лесоповальные работы в самую дальнюю точку лагеря.

В феврале 1942 года к нему попытался пробиться младший брат Александр, находившийся в эвакуации в Свердловске. Он взял на несколько дней отпуск, командировочное удостоверение, без которого невозможно было получить билет на поезд, и отправился в Соликамск.

Из неопубликованных воспоминаний Александра Михайловича Мессерера:

“Готовиться с Рахилью мы начали задолго. Закупили на рынке (обменяли на вещи) мед, масло, сало, вяленую рыбу, сахар, теплые носки, валенки. Когда я стоял в очереди к железнодорожной кассе, вдруг заметил, как люди, стоявшие возле самого окошка, начали расступаться. Оказалось, к кассе без очереди подступил человек, на котором телогрейка была как живая: она кишела вшами. Поэтому рукава моего пальто Рахиль перед отправлением в Соликамск предусмотрительно ушила так, чтобы они плотно обхватывали запястья. Думали, что это в какой-то степени помешает вшам проползти ко мне.

Приехав в Соликамск, я сдал рюкзак с продуктами в камеру хранения и пошел искать место, где можно остановиться. Температура была 53 градуса мороза. Шапки и воротники всех людей покрывал слой инея: дыхание человека моментально оседало на одежде.

Утром отправился в Управление лагерем. Мне довольно легко выдали пропуск к начальнику, который в это время сидел за низким столом и ел селедку.

Оказалось, что свидание с Маттанием невозможно, поскольку он находится в таком месте, куда зимой не добраться, а посылку можно сбросить только с самолета. Никакой связи нет. На почте я разделил посылку на две – чтобы не была такая большая. В каждую упаковал по валенку, в которые вложил стеклянные банки с медом и маслом.

Обе посылки дошли. Но одна – сразу же, зимой, а вторую сбросили только в мае. Маттаний потом рассказывал, что так и проходил всю зиму в одном валенке, надевая его то на правую, то на левую ногу”.

Маттаний вернулся из лагеря с запущенным туберкулезом, без права жить в Москве и работать по специальности. Много лет спустя мы узнали, что его намеревались арестовать вторично, в 1950 году, во время кампании по “борьбе с космополитизмом”. К делу Маттания, которое читал Александр Мессерер, прилагался запечатанный конверт. Раскрыв его на

свой страх и риск, он обнаружил письмо за подписью полковника милиции, который запрашивал подробные сведения о состоянии здоровья Маттания. При этом указывалось, что письмо следует вернуть. Главный врач поликлиники перечислил все болезни Маттания. Из этого списка следовало, что состояние его здоровья было угрожающим. Видимо, по этой причине его решили не трогать.

В 1956 году, после доклада Хрущева “О культе личности”, Маттания реабилитировали и назначили персональную пенсию. А 8 августа 1957 года он умер от инфаркта в возрасте пятидесяти восьми лет. После него остались вдова Рахиль Наумовна и сын Наум, ставший по семейной традиции балетным танцовщиком и педагогом.

Наум, или Номы, как мы все его звали, был небольшого роста и еще в хореографическом училище понял, что на роли принцев и героев претендовать не сможет, и поэтому рано проявил себя в характерном танце. Например, на выпускном концерте он отлично исполнил сложнейшую партию шута в “Лебедином озере”.

Однако в Большой театр его не взяли. Пригласили в Театр Станиславского и Немировича-Данченко, где Наум с успехом исполнял многие партии и рано начал давать классы. Кумиром Номы был Асаф Мессерер, чьему примеру он следовал и в танце, и в педагогике. Он даже посвятил его артистической и педагогической деятельности свою дипломную работу в ГИТИСе, на балетмейстерском факультете. В мастер-классах, которые Наум давал не только в России, но и в США, Китае, Японии и других странах, он бережно сохранил и развил идеи Асафа. На счету Наума десять золотых медалей, завоеванных его учениками на международных балетных конкурсах. Это позволило авторитетному журналу “*Dance Now*” назвать его “Золотых дел мастером”. У Наума занимались крупнейшие артисты XX века, в том числе Барышников, Нуреев, Мухамедов и Малахов, высоко ценившие его как педагога.

Ранняя смерть Наума – это моя боль. Он страдал очень тяжелой болезнью – нефритом. Отказали обе почки, и он мог жить только с помощью диализа. Я обещал отдать ему свою почку. Мы даже ходили к врачу, который был готов в нужный момент сделать анализ на совместимость. Как-то Наум позвонил мне из Америки, где преподавал в *American Ballet Theatre*, и спросил:

– Ну, ты приедешь?

Мне показалось, что этим вопросом он хотел понять, не изменил ли я своего решения. Я пообещал приехать, но... прозевал момент, упустил, не думал, что все закончится так быстро. Наум, скучавший по маме и жене, решил на короткое время вернуться в Москву. После первого же сеанса диализа в Москве его сердце не выдержало.

Еще одним Мессерером, не связавшим с искусством свою профессиональную жизнь, был Эммануил, или, по-домашнему, Нуля. Он прожил всего тридцать лет, поэтому я едва его помню. Нуля был по специальности горным инженером, а в душе – музыкантом и все свободное время посвящал игре на рояле. Он даже со своей будущей женой, замечательной пианисткой и музыковедом Раисой Глезер, познакомился на симфоническом концерте. Раиса была родом из Оренбурга, там она окончила музыкальный техникум и приехала в Москву поступать в консерваторию.

Эммануила нежно вспоминала Майя. Она писала о нем:

“Самый застенчивый, самый красивый из братьев и сестер Мессерер. Природа пометила его прелестной кокетливой родинкой на щеке, словно у придворной французской маркизы. За тихий нрав в Нуле души не чаяли”.

Именно “тихому” Нуле Майя была обязана жизнью. Он спас ее, двухлетнюю кроху, когда она была в шаге от смерти. За описанием этого эпизода обращаюсь к дневнику нашей тети Элишевы. Эля пишет:

“Однажды я вошла в последнюю комнату, так называлась у нас комната, находившаяся в самом конце коридора, и увидела открытое окно, а за подоконником, на выступе кирпичей стоит Майечка, беспечно смотрит вниз с четвертого этажа и лепечет: «Мама... мамни меня...». Я чуть не потеряла сознание, у меня подкосились ноги от ужаса. Тут тихо-тихо, чтобы не испугать ее, подбежал брат Эммануил, схватил ее, и она, уже в его крепких руках, вздрогнула всем телом. А на улице перед домом вся эта картина выглядела таким образом: старший брат Азарий подходил к дому со своей женой и увидел толпу людей, которые, закинув кверху головы, смотрели на наши окна. Ему сказали, что с четвертого этажа упала маленькая девочка. Перепуганные Азарий с женой помчались вверх по лестнице и успокоились только тогда, когда увидели живую Майю на руках у Нули”.

Эммануил Мессерер погиб в самом начале войны, дежуря на крыше дома во время бомбежки. Дом этот находился напротив детской больницы имени Филатова. Нуля должен был тушить зажигательные бомбы, но та бомба, что попала в дом, оказалась фугасной... Раиса Глезер осталась с двухлетним сыном, моим тезкой – тоже Азарием, названным, как и я, в честь нашего общего дяди. Поскольку росли мы вместе, чтобы избежать путаницы, нас различали по цвету волос: его называли Азарий-белый, а меня – Азарий-черный.

Азарий Мессерер окончил институт иностранных языков, работал на радио. В 1981 году он эмигрировал в США, где продолжил журналистскую деятельность. К сожалению, 21 января 2017 года он после неизлечимой болезни ушел из жизни.

Самым младшим в семье Мессерер был сын, родившийся в 1916 году и названный влюбленным в Библию отцом Аминадавом. Домашние именовали его Нодиком, а сам он, как я уже говорил, впоследствии сменил имя на более привычное для русского уха – Александр. Окончив в 1940 году электрофизический факультет Московского энергетического института имени В.М. Молотова, он получил характеристику, которую необходимо было предъявлять при приеме на работу. В характеристике значилось:

“Арестован брат. Арестована сестра. Арестован муж сестры (работал на Шпицбергене). За границей (в Германии) имеется родственник (брат отца)”.

С такими данными Нодик на протяжении пяти месяцев безуспешно пытался устроиться на работу, пока не нашел место, куда удалось поступить без предъявления характеристики. Наученный горьким опытом, в дальнейшем он не упоминал в анкетах репрессированных Рахиль и Маттания, благо, кроме них, у него было еще много братьев и сестер, о которых рассказывал подробно.

В самом начале осени 1941 года Нодик в числе других работников ОРГРЭСа был мобилизован в батальон для строительства оборонительных сооружений в Волоколамске. Его жена Лара вместе с грудным сыном Боренькой находилась в Старом Съянове, у своих родителей. 15 сентября он отправил туда открытку, адресовав ее Бореньке. 18 сентября тому исполнилось пять месяцев. В своем послании Нодик в шутку обращался к крохе как ко взрослому человеку. Но повзрослеть Бореньке было не суждено. Вечером 26 сентября рядом с домом в Съянове упала бомба. Один из осколков пробил бревенчатую стену и попал в голову мальчику, спящему в коляске.

В 1947 году Нодик поступил в аспирантуру Московского авиационного института. Его научным руководителем был Виктор Наумович Мильштейн, который к своим тридцати трем годам успел стать профессором и доктором наук. К сожалению, из-за гонений на евреев Мильштейн вынужден был покинуть МАИ. На собраниях методично клеймили ученых, носивших еврейские фамилии или скрывавших свое происхождение под псевдонимами как космополитов, враждебно настроенных к патриотическим чувствам советских граждан. И, несмотря

на то что уволиться в то время можно было только с согласия администрации, во всех организациях рекомендовалось не препятствовать увольнению лиц еврейской национальности. Поэтому, когда затравленный Виктор Наумович Мильштейн решил уйти из МАИ, отпустили его моментально.

Нодика из аспирантуры не отчислили, но записали, что тема диссертации, над которой он работал, не соответствует профилю кафедры. Это означало только одно – несмотря на кандидатский минимум, сданный на “отлично”, защитить диссертацию ему не дадут.

И снова начались поиски работы. У Нодика сохранился список из сорока организаций, в которые он обращался в течение девяти месяцев – с лета 1949 года по весну 1950-го. Сразу никогда не отказывали. Брали заявления, анкеты, просили явиться через неделю и... не принимали на работу. В конце концов, после всех мытарств, он поступил во Всесоюзную постоянную выставку контрольно-измерительных приборов, где прослужил несколько лет, до самой смерти Сталина.

Жить после XX съезда стало легче, но не намного. Нодику было уже пятьдесят. Последние двадцать лет он работал в Госстандарте – проектировал поверочные лаборатории. Был главным метрологом, главным инженером проекта. Выйдя на пенсию в шестьдесят девять лет, он посвятил себя семье – старшей сестре Рахили, заменившей ему рано умершую мать, своему сыну, внукам, игры с которыми Нодик превращал в самые настоящие спектакли. Он, как и все Мессереры, не был обделен актерским талантом. Любой рассказ в его артистическом исполнении сопровождался гомерическим хохотом слушателей, а память хранила сотни стихотворений. Его доброта, самоотверженность и стремление помочь всем, кто нуждается в помощи, не знали границ. Эти качества по наследству перешли его второму сыну, Мише, родившемуся в 1945 году. Миша, также избравший профессию инженера, стал неотъемлемой частью нашей семьи, разделял все радости и горести, выпавшие на ее долю.

Нодика не стало в июле 2015 года, незадолго до его столетнего юбилея. В течение своей длинной жизни он, точно пушкинский Пимен, скрупулезно и тщательно вел летопись семьи Плисецких – Мессерер. Сумел сохранить и систематизировать редчайшие фотографии, неопубликованные дневники и уникальнейшие письма, многие из которых опубликованы впервые на страницах этой книги, состоявшейся во многом благодаря Александру Михайловичу Мессереру, нашему Нодику.

Плисецкие

Деда и бабушку со стороны Плисецких я, к сожалению, не знал. Дед, Мендель (Эммануил) Плисецкий, работавший в Петербурге в знаменитой кондитерской компании “Жорж Борман”, умер задолго до моего рождения. Его жена, Сима Марковская, скончалась в 1939 году, когда мы с мамой находились в ссылке.

У Менделя и Симы было пятеро детей. Старшего сына называли Израилем. Незадолго до Первой мировой войны он эмигрировал в Америку. Получая гражданство США без очереди – за участие в войне, Израиль Плисецкий решил сменить имя на более простое для американского слуха. Он стал Лестером по фамилии Плезент, что созвучно с английским “pleasant”, то есть “приятный”. Так он был записан в американском паспорте.

Со своей будущей женой Лестер познакомился на катке. Лихо вырезая узоры на льду, он обратил внимание на симпатичную девушку и, приблизившись к ней, представился:

– Лестер Плезент.

Та ответила:

– А я – мисс Глум.

Что в переводе с английского означает “мрачная”. На самом деле девушку звали Мириам Титевская. Вскоре они поженились. В 1925 году на свет появился их старший сын – Стенли. Он, так же как и отец, добровольцем записался в армию, причем было ему всего восемнадцать лет. Только тогда шла уже Вторая мировая война. Стенли воевал во Франции, был награжден орденами и медалями. В приказе о награждении говорилось, что ордена лейтенант Стенли Плезент удостоен за исключительную храбрость в бою близ города Уиссенбург (на границе Франции с Германией) в феврале 1945 года.

После войны Стенли поступил в Нью-Йоркский городской колледж. А затем учился в аспирантуре престижного Колумбийского университета. Со временем Стенли Плезент стал выдающимся юристом. В администрации Кеннеди он был главным юристом USIA (Информационного агентства США), отвечая за его связь с Конгрессом и Белым домом.

Эммануил, младший сын Лестера, родившийся в 1933 году, также получил блестящее образование. Но выбрал другую стезю – стал прекрасным психоаналитиком. Кстати, именно Эммануил вспоминал, что, когда ему было пятнадцать лет, отец взял его с собой в кинотеатр посмотреть советский документальный фильм “Звезды балета Большого театра”. Когда они вошли в фойе, улыбка озарила лицо Лестера – он увидел афишу, на которой была Майя, его племянница. Фильм они посмотрели дважды. Эммануил спросил отца, видел ли он картину до этого, Лестер с гордостью ответил:

– Шесть раз!

Следующей по старшинству в семье Менделя Плисецкого была дочь Елизавета, родившаяся в 1896 году. Тетя Лиза всю жизнь прожила в Ленинграде, была милейшим человеком и гостеприимной хозяйкой. Работала она в Автотранспортном управлении, которое располагалось на улице Росси прямо напротив хореографического училища – подъезд в подъезд. Первенцу тети Лизы, Марку Езерскому, была уготована трагическая судьба. Окончив артиллерийское училище, он был сразу отправлен на Северо-Кавказский фронт. 25 сентября 1942 года артиллерийская батарея, в которой гвардии лейтенант Езерский служил электротехником, двигалась на огневую позицию. К несчастью, в ущелье у Эльхотовских ворот колонна попала в окружение. Марк, находившийся в кабине боевой машины, погиб, взорвав себя вместе с пусковой установкой. 6 октября 1942 года Марк Езерский был представлен к ордену Ленина посмертно. Его сослуживец, старший лейтенант Виктор Долманов, которому посчастливилось выйти из окружения живым, написал после этого боя такие строки:

Мамин сынок

Памяти Марка Езерского, гвардии лейтенанта

В ущелье, у Эльхотовских ворот
Подбили немцы гвардейский миномет.
Враг долго караулил цель такую...
Пошли фашисты, атакуя
Расчет. И в нем юнец остался жив,
А в батарее он электриком служил.
Тихоня, с золотым пушком.
Все звали его “маминым сынком”.
В последний миг “сынок” нашел
В машине припасенный тол.
И благородное, большое сердце
Исполнило закон Гвардейца...
Мы залп давали всем полком,
Прощаясь с “маминым сынком”.
Из Ленинграда всё шли письма,
Мы с сообщением тянули:
Ведь был у мамы он
“Единственный сынуля”.

Именем Марка называли школу в городке, расположенном неподалеку от места его гибели. Когда перед школой поставили обелиск, тетю Лизу пригласили на открытие. К сожалению, эта поездка стоила ей жизни. Вернувшись в Ленинград, тетя Лиза вскоре умерла от разрыва сердца. Школа, названная именем Марка Езерского, существует до сих пор. И Эрочка, младшая сестра Марка, много лет получала письма от ее учеников.

Сама Эра Езерская, родившаяся в 1928 году, была нашей любимой ленинградской кузиной. Острая на язык и не всегда справедливая по отношению к родственникам, Майя писала об Эрочке:

“Один свет в окошке – моя ленинградская двоюродная сестра Эра Езерская, дочь Лизы. Красивое, бесстрашное, участливое, чистое существо”.

Эрочка окончила физический факультет Ленинградского университета, стала специалистом в области аэрологии и даже ездила в экспедицию на остров Диксон. Двадцать пять лет она преподавала в Ленинградском арктическом училище, которое размещалось в Константиновском дворце в Стрельне. Ее сын, получивший имя погибшего брата, Марк Езерский, стал известным ученым-энтомологом, доктором наук.

Мой отец, Михаил, был третьим ребенком в семье Менделя Плисецкого. В 1937 году он был арестован и вскоре приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. Об этом я подробно расскажу позже.

Про таких, как отец, говорят: душа компании. Добрый, веселый, легкий в общении, папа, женившись на маме, моментально нашел общий язык со всеми Мессерерами. Он полюбил всех – от старшего Азария до младшего Нодика, всех восьмерых, и Мессереры отвечали ему полной взаимностью.

Естественно, отец влился и в большую мамину артистическую компанию. Он обладал великолепным чувством юмора и любовью к розыгрышам. Однажды ему довелось подвозить на своей «эмке» актрису Рину Зеленую, с которой он был прекрасно знаком. Собираясь к Рине Васильевне, он попросил позвонить ей и предупредить, что будет машина, но не говорить, кто

за рулем. Натянув в целях сохранения инкогнито какую-то фуражку и подняв воротник пальто, отец отправился к Зеленой. Когда актриса неспешно вышла из подъезда, он, опустив стекло машины, вдруг гаркнул на нее зычным, не своим голосом:

– Садитесь скорее! Сколько вас ждать можно?!

Рина Васильевна, не узнав отца, от неожиданности шарахнулась в сторону. А приехав в назначенное место, обескураженно спрашивала:

– Кого вы за мной послали? Что за грубиян меня вез?!

Когда узнала, что в роли грубияна выступил Миша Плисецкий, хохотала громче всех.

О том, что отец репрессирован, я даже не догадывался. Мама говорила: пропал без вести на фронте. Эта версия меня вполне устраивала и сомнению не подвергалась, поскольку вокруг было множество ребят, потерявших отцов во время войны. Один из них – мой товарищ Толя Ожерельев. Его отец, перед тем как уйти на фронт, работал шофером в гараже Большого театра. Долгое время от него не было ни слуху ни духу. Но однажды наш двор в Щепкинском проезде огласил радостный Толькин крик:

– У меня отец вернулся с фронта!

Я, конечно, очень позавидовал товарищу. Вернулся отец! К тому же привез с собой пару немецких трофейных велосипедов с рыжими шинами. На одном из велосипедов даже была установлена фара. Помнится, я тогда подумал, что раз у Тольки отец вернулся, то и мой непременно вернется, и тоже обязательно с велосипедом!

О том, что отец не вернется никогда, я узнал только в 1952 году от сестры отца – Марии Левицкой. Случилось это в мой самый первый приезд в Ленинград. Я жил там попеременно то у одной тети, то у другой... И вот однажды тетя Маня в разговоре о своих двоюродных братьях, которые были арестованы в 1930-х годах, вдруг сказала:

– Их-то выпустили в конечном счете, а твоего папу – нет.

При виде моих округлившихся глаз тетя Маня поняла, что сболтнула лишнее, спохватилась и прикусила язык, но было уже поздно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.